

Кларе и Летти посвящается

EMPIRES OF THE NORMANS
MAKERS OF EUROPE, CONQUERORS OF ASIA

Levi Roach

JOHN MURRAY

ЛЕВИ РОУЧ

ИМПЕРИИ НОРМАННОВ

СОЗДАТЕЛИ ЕВРОПЫ,
ЗАВОЕВАТЕЛИ АЗИИ

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

МОСКВА, 2024

СТРАДА
ЮЩЕЕ
СРЕДНЕ
ВЕКОВЬЕ

УДК 94(4)"375/1422"

ББК 63.3(4)4

P79

Книга выходит в рамках совместной серии издательства «Альпина нон-фикшн» и проекта «Страдающее Средневековье»

Переводчик Евгений Поникаров

Научный редактор Николай Сайнаков, канд. ист. наук

Редактор Наталья Нарциссова

Роуч Л.

P79 Империи норманнов: Создатели Европы, завоеватели Азии / Леви Роуч ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2024. — 384 с. — (Серия «Страдающее Средневековье»).

ISBN 978-5-00139-758-8

Около 911 года несколько кораблей викингов бросили якорь в устье Сены, и так начался великий путь, который привел норманнов к завоеванию Англии и доминированию в Западной Европе, Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Рассказывая их историю, медиевист Леви Роуч переносит нас в волнующую эпоху, когда потомки викингов-разбойников покоряли все новые земли и закладывали основы современной Европы. Со временем мир стал узнаваемо нормандским, однако сами они постепенно растворились в других народах. Эта книга — захватывающий рассказ о дерзких авантюристах и бесстрашных воителях, о нажитых состояниях и утраченных королевствах и в то же время попытка отдать должное тем, при ком впервые зародилась общеевропейская культура.

УДК 94(4)"375/1422"

ББК 63.3(4)4

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

© Levi Roach, 2022

This edition is published by arrangement with The Peters Fraser and Dunlop Group Ltd and The Van Lear Agency LLC

ISBN 978-5-00223-466-0 (Серия

«Страдающее Средневековье»)

ISBN 978-5-00139-758-8 (рус.)

ISBN 978-1-529-39846-5 (англ.)

© Издание на русском языке, перевод, оформление.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	7
<i>Карты</i>	12
1 Начало: чужие люди из чужой страны, Нижняя Сена, 911–942	17
2 Объединение поселений: наследники Роллона, Нормандия, 942–1026	32
3 Королева Эмма, сокровище нормандцев: Англия, 1002–1042.....	41
4 Эдуард Исповедник: король из-за моря, Англия, 1041–1066.....	55
5 Вильгельм I: король-завоеватель, Нормандия и Англия, 1035–1066	72
6 Придворная пропаганда: оправдание завоевания, 1066–1084	93
7 Гобелен из Байё: история, шитая нитками, 1066–1097	103
8 Судьба англичан: от завоевания до колонизации, 1066–1084	115
9 Церковь и государство в завоеванной Англии: роман с камнем, 1066–1087	128
10 Освоение юга: Железная Рука в Италии, 1030–1045.....	141
11 Роберт Гвискар: хитрый граф, ок. 1040–1085.....	151
12 Под знаменем Византии: в Малую Азию, 1038–1077	169

13	Боэмунд и Балканы: «настоящее чудо», 1081–1085.....	182
14	Первый крестовый поход: продвижение на Восток, 1096–1108.....	192
15	Слишком далекий мост? Северная Африка, 1142–1159.....	212
16	Северный Уэльс: волк в волчьей шкуре, 1068–1098.....	223
17	Южный Уэльс: оставить след, 1068–1098.....	236
18	Иберия: «Народ нормандцев не отказывается от труда», 1147–1148.....	244
19	Шотландия: почетные гости, 1072–1153.....	255
20	Власть за троном: Шотландия при Аде де Варенн, 1153–1178.....	268
21	Стронгбоу в Лейнстере: попытка создать марку, 1167–1171.....	280
22	Гуго де Ласи: лорд Мита, 1171–1177.....	291
23	Конец империи? Иоанн и Нормандия, 1204.....	305
24	«Чудо мира»: Фридрих II, 1198–1250.....	315
	Загробная жизнь нормандцев: преобразованная Европа.....	327
	<i>Благодарности</i>	332
	<i>Благодарности за иллюстрации</i>	334
	<i>Примечания</i>	335
	<i>Сокращения</i>	371
	<i>Предметно-именной указатель</i>	372

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда в начале декабря 1212 года семнадцатилетний Фридрих II прибыл в Майнц, его встречала ликующая толпа. Многие годы за германский трон боролись соперничающие группировки. Переход власти к юному Фридриху — «мальчику из Апулии», как его ласково называли, — похоже, решил проблему. Фридрих был одет в меха и тяжелый плащ, защищавшие его от непривычного зимнего холода. Принца сопровождал местный архидиакон, и толпа расступалась перед ними. Они двигались к главному городскому собору. Два епископа с реликвариями на шее встретили Фридриха у высоких медных врат. Затем к ним присоединился архиепископ Зигфрид, который ввел императора и его свиту в храм.

После того как все вошли, Фридрих сложил перед алтарем оружие и снял плащ. Затем демонстративно простерся ниц в форме креста, взывая к Божественной милости. То же сделали все епископы и другие клирики. Священники пели литании, призывая на помощь святых. Когда Фридрих поднялся, архиепископ Зигфрид спросил его, будет ли он выполнять обязанности, возлагаемые на него как на короля, — защищать церковь и свой народ. Фридрих охотно ответил согласием, и все присутствующие одобрительно закричали: «Аминь! Аминь! Да будет так! Да будет так!» Последовали новые молитвы, и церемония достигла апогея — миропомазания, после которого Фридрих официально стал королем. Затем епископ вручил юноше регалии, символы его

власти: меч, чтобы Фридрих мог защищать церковь и карать несправедливость; кольцо — как знак христианской веры; скипетр и посох, чтобы вершить справедливый суд; корону — как символ славы и святости его положения. Еще несколько молитв, и Зигфрид повел нового короля от алтаря по хорам к установленному трону. Здесь Фридрих произнес свою коронационную клятву — торжественное обещание обеспечивать мир и справедливость и проявлять надлежащее милосердие. Затем последовало святое целование от архиепископа, и наконец король воссел на трон. С величественным видом Фридрих удовлетворенно наблюдал за следовавшей мессой. Он вошел в Майнц принцем, а покинул его помазанным монархом. Теперь он был королем милостью Божией, правителем германцев, а в будущем — и императором Священной Римской империи.

Фридрих — последний монарх выдающейся династии, восходящей к его деду, легендарному германскому императору Фридриху Барбароссе. Однако впечатление преемственности обманчиво, ибо на деле молодой король не был немцем. Фактически он почти не знал эту страну. Он был итальянским нормандцем, нога которого прежде не ступала севернее Альп. Как показало его правление, Фридрих гораздо большим был обязан нормандскому югу, нежели своим немецким корням, и в отношениях с сыном и соправителем Генрихом (VII)* неоднократно настаивал на применении более строгих сицилийских обычаев на территории к северу от Альп.

Фридрих был далеко не единственным нормандским монархом. Англия, большая часть Уэльса и значительная часть Ирландии (не говоря уже о нескольких важнейших территориях во Франции) находились под властью пе-

* Порядковый номер Генриха (VII) традиционно ставится в скобках, поскольку он был только соправителем. — *Прим. пер.*

начально известного «плохого короля Иоанна», прямого потомка (по женской линии) великого нормандского завоевателя Вильгельма I. Севернее, в Шотландии, много лет правил король Вильгельм I Лев — на три четверти нормандец, поддерживаемый в основном нормандской аристократией. Да и в Средиземноморье Фридрих управлял Сицилией и Южной Италией, а почти половина Святой земли находилась в руках Бозмунда IV, князя Антиохии, прапра-внука небезызвестного итало-нормандского наемника Бозмунда Тарентского.

С коронацией Фридриха могущество и влияние нормандцев достигли апогея. В той или иной форме они стали доминировать в Западной Европе и Средиземноморье. Их влияние едва ли можно преувеличить. Норманны принесли в Нормандию новую аристократию и правящую династию; позже нормандцы* принесли в Британию и Ирландию замки, рыцарскую культуру, романскую архитектуру и французский язык (на котором все еще говорили аристократы во времена Фридриха); в Южную Италию — связи с Римом и католической церковью; в Германию — новое отношение к закону и порядку. Но достижения нормандцев оказались удивительно хрупкими, ибо во всех этих регионах пришельцы приспособились к местному обществу. В результате мир стал узнаваемо нормандским, однако сами нормандцы слились с другими народами. В Средиземноморье они давно стали считать себя сицилийцами, апулийцами и калабрийцами; на Британских островах — англичанами и шотландцами (хотя и франкоязычной аристократической

* В английском языке слово *Norman* относится и к норманнам, и к нормандцам. Норманны (скандинавские племена) завоевали территорию на севере нынешней Франции, которая в результате получила название Нормандия, а ее население, возникшее при смешении норманнов и местного франкоязычного населения, стало называться нормандцами. В Британию, Италию и Азию из Нормандии отправлялись уже нормандцы. — *Прим. пер.*

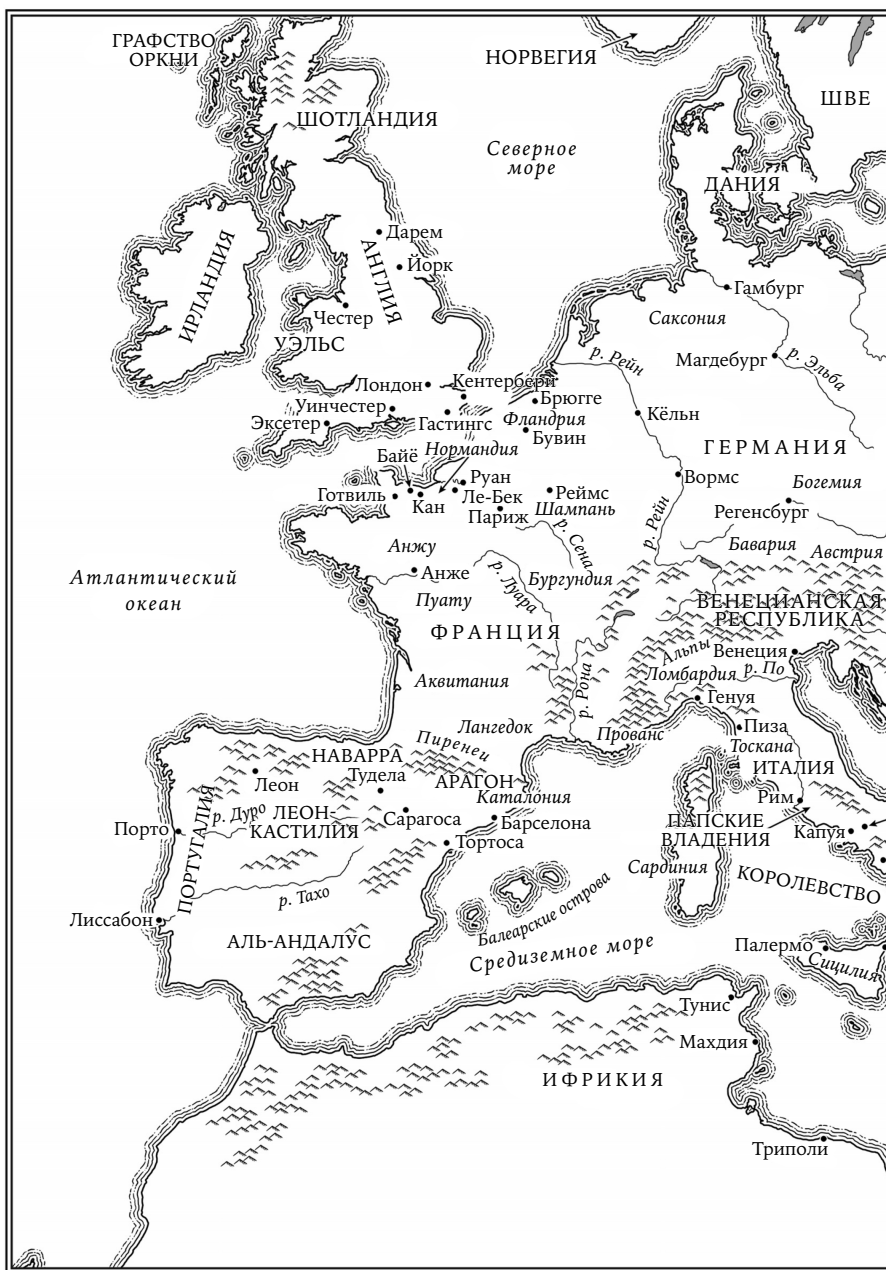
прослойкой). Они были одновременно везде и нигде — народ с великим прошлым, но скромным будущим.

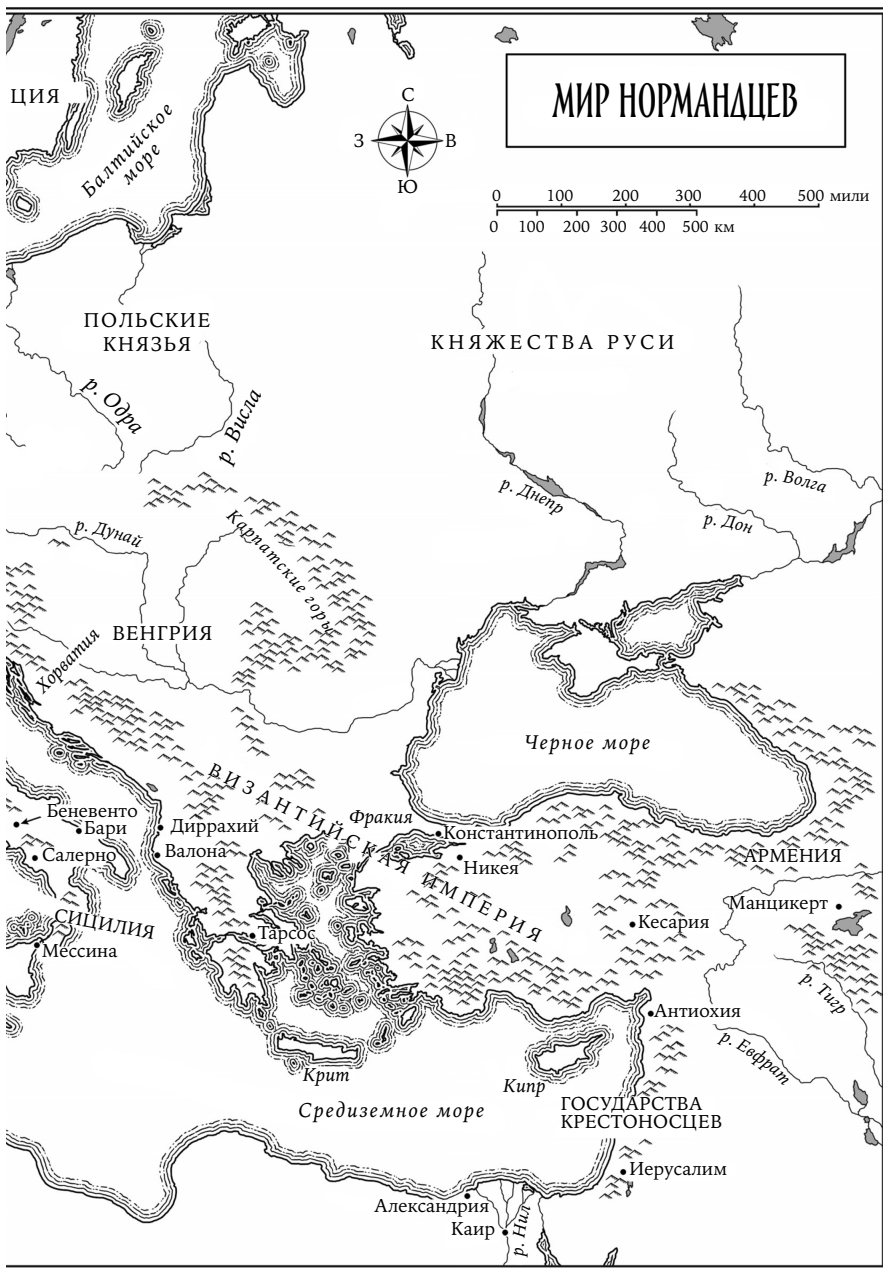
В годы нормандского доминирования зародилась общеевропейская культура, и нормандцы оказались важной частью этого процесса¹. Именно благодаря им Британские острова и юг Италии стали частью Западной (католической) Европы. Их влияние не ограничивалось территориями, где они правили непосредственно. Нормандцы участвовали в ключевых событиях христианского завоевания исламской Иберии. Они основали королевство в Северной Африке, просуществовавшее недолго, но угрожавшее египетским правителям из династии Фатимидов и марокканскому халифату Альмохадов. Они также сыграли существенную роль в падении власти Византии в Малой Азии, что подготовило почву для Первого крестового похода.

Потомки викингов с нескольких кораблей, около 911 года бросивших якорь в устье Сены, проделали большой путь. На страницах книги мы проследим, как — благодаря удаче, отваге и вере — им это удалось. Перед вами рассказ о дерзких авантюрах и яростных разбойниках, о нажитых состояниях и утраченных королевствах. Мы начнем с легендарного Роллона, чьи пиратские рейды на берега Сены заложили основы будущего герцогства Нормандия. Затем увидим, как его потомки добивались господства на севере Франции, отражая угрозы со стороны соседей из Фландрии и Анжу. Как в последующие годы они отваживались на все более смелые предприятия: сначала в Англии, где Вильгельм Завоеватель завладел одной из самых ценных корон Европы; затем в Южной Италии, где сыновья в остальном малоизвестного Танкреда де Готвиля создали собственное, столь же величественное королевство. С помощью этих новых плацдармов нормандцы расширили свое влияние, обосновавшись в Шотландии и завоевав большую часть Уэльса и Ирландии. Еще более впечатляющим, хотя и непродол-

Предисловие

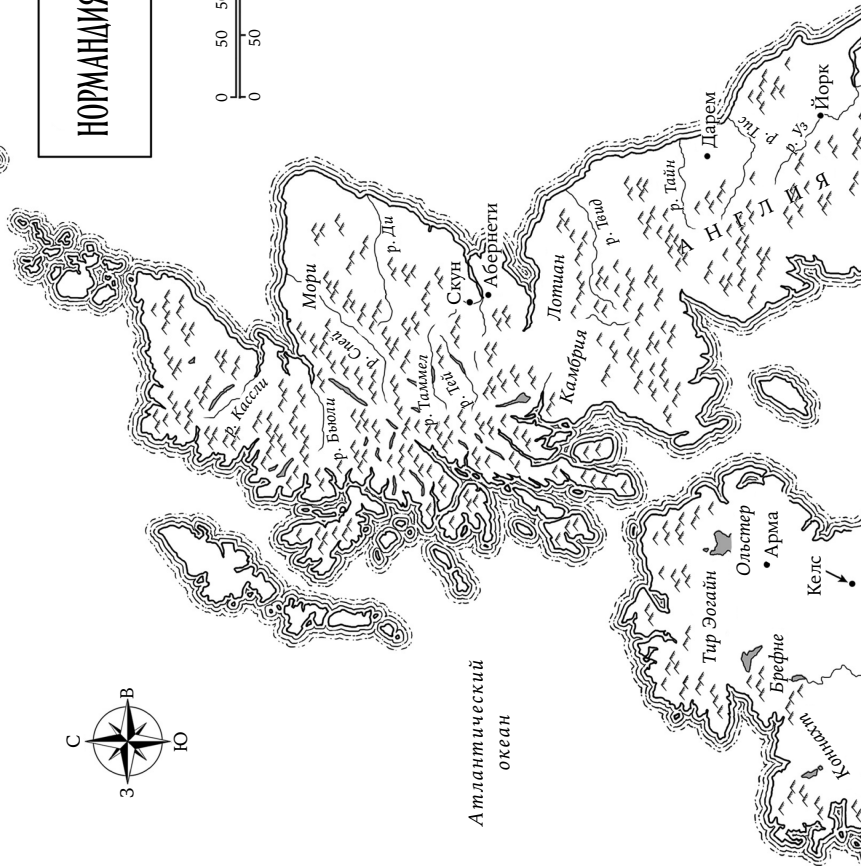
жительным было их воздействие на Восточное Средиземноморье, где они едва не уничтожили Византийскую империю. Коронация Фридриха в декабре 1212 года означала, что даже Германия оказалась под властью нормандца. В эпоху людей, которые не останавливались на достигнутом, нормандцы постоянно выделялись: их церкви были величественнее, предводители — отважнее, а воины — яростнее. Это повествование о них.

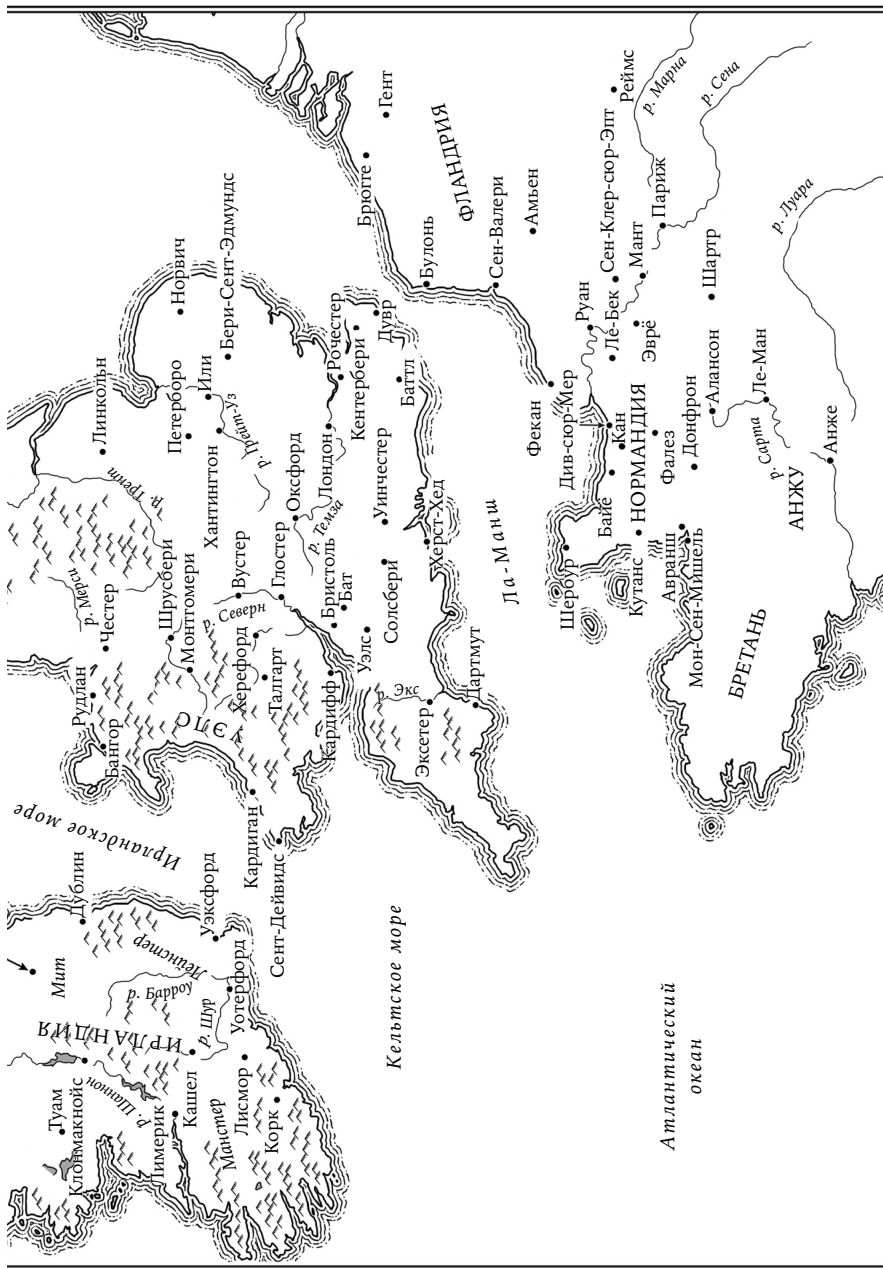

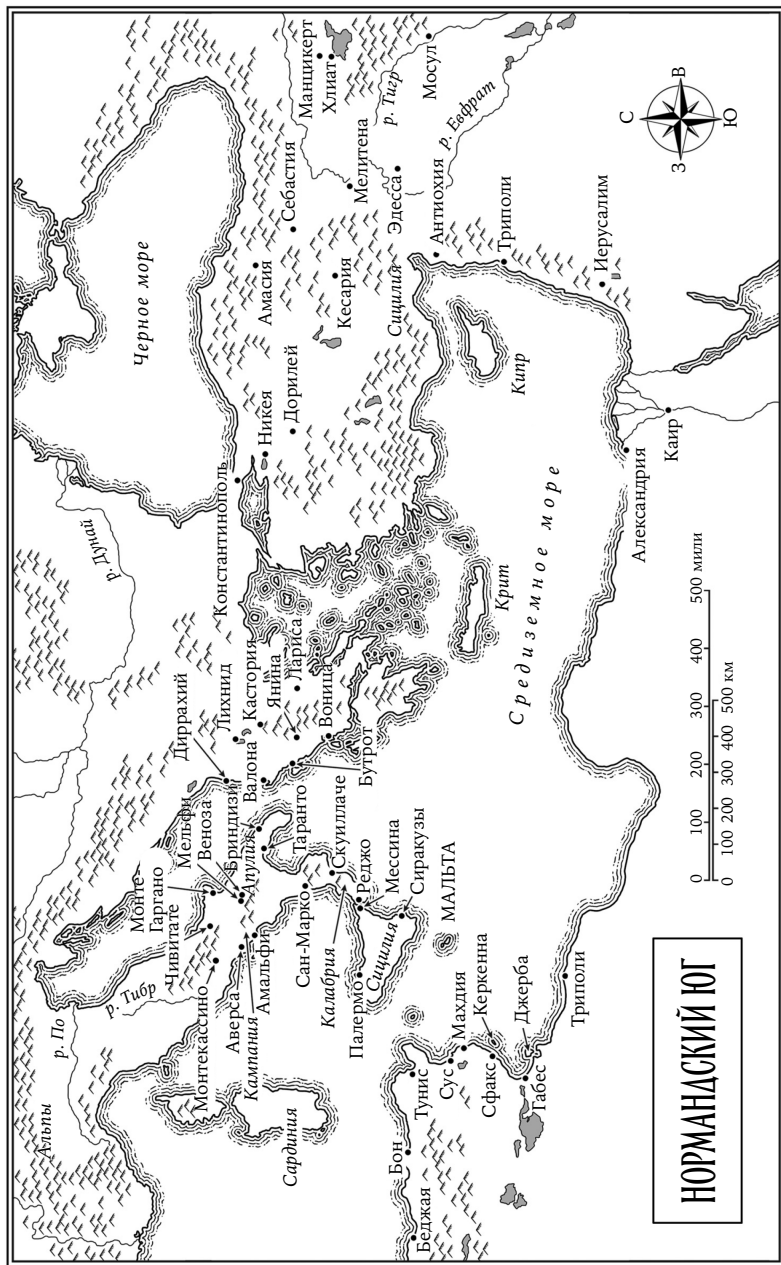

НОРМАНДИЯ, БРИТАНИЯ И ИРЛАНДИЯ

1

Начало: чужие люди из чужой страны, Нижняя Сена, 911–942

На реке Эпт в Северной Франции друг против друга стояли два войска. Атмосфера была накаленной. С одной стороны располагалась армия французского короля (правителя Западно-Франкского королевства) Карла Простоватого, в рядах которой был и его главный вельможа — Роберт, маркграф Нейстрии. С другой выстроились воины Роллона, викинга-пирата, который в последние годы сильно досаждал поселениям вдоль Сены. Однако почва для мира была готова. Незадолго до того Роберт разбил Роллона, когда викинги пытались захватить Шартр, стратегически важный город примерно в 90 километрах к юго-западу от Парижа. После этого Карл начал действовать дипломатией. Он предложил Роллону руку своей дочери Гизелы и прибрежные территории на севере, если предводитель викингов и его люди примут христианскую веру и пойдут к нему на службу. Такая возможность выпадала нечасто, и скандинавский военачальник с готовностью согласился. Оставалось лишь скрепить печатью договор — по крайней мере, так казалось.

Сообщают, что, когда в Сен-Клер-сюр-Эпт сошлись силы обеих сторон, Роллон отправил архиепископа Руана к французскому королю с посланием. Архиепископ сооб-

шил Карлу, что норманн и его люди уже не согласны на изначально выделенные им земли между рекой Андель и морем; теперь они требовали всю территорию между рекой Эпт и побережьем — полосу примерно на 50 километров шире. Подобные претензии со стороны кого угодно другого показались бы чистой наглостью, но, когда они исходили от могущественного Роллона, их приходилось пусть с неохотой, но принимать. Роберт, готовый стать крестным отцом вождя викингов, сказал Карлу, что без уступок такой великий воин на службу к нему не пойдет. В результате король был вынужден смягчить свою позицию. Правда, сначала он попытался предложить Роллону вместо этих территорий Фландрию и Бретань, однако норманн твердо стоял на своем. В итоге Карл сдался — Роллон действительно получил все земли между рекой Эпт и морем.

Наконец Роллон был готов подчиниться. Он публично вложил ладони в руки короля в ритуальной церемонии принесения клятвы верности (позднее эта процедура получит название «оммаж»). Никто из предков Роллона не пожелал бы поступить таким образом, но ведь никому из них не предлагали такого вознаграждения. Тем не менее Роллон не поступился гордостью: он отказался встать на колени и поцеловать ногу короля Карла, как это было принято. Он приказал сделать это одному из своих людей. Но и тот не стал преклонять колени: смелый викинг бесцеремонно подтянул ногу Карла к себе, отчего король плюхнулся на землю. Невозможно было лучше показать превосходство Роллона и его людей над их французскими соперниками.

Во всяком случае, Дудо Сен-Кантенский, хронист, описавший появление норманнов во Франции, желает, чтобы мы поверили в эту историю¹. Проблема в том, что Дудо писал через 90 лет после описываемых событий (он закончил свою «Историю норманнов» в середине 1010-х годов) и часто невозможно определить, где кончается реальность и начи-

нается богатое воображение автора. Вот всего два примера: Дудо называет архиепископа Руана именем Франко, хотя во времена Роллона архиепископа звали не Франко, а Ги; Гизели же — если она вообще существовала — на тот момент должно было быть не больше трех или четырех лет. Нет даже уверенности в том, что соглашение заключили в Сен-Клер-сюр-Эпт. Эпт стала границей между Нормандией и Францией позже, а нормандские герцоги подчинили себе эти территории, вероятно, в 930-х годах. Кроме того, Сен-Клер был свидетелем важной встречи между внуком Роллона и французским королем в 942 году, и, возможно, Дудо просто по тому же образцу описал и более раннее событие².

К сожалению, труд Дудо — это почти все, чем мы располагаем. Ясно, что примерно в это время какая-то сделка с викингами состоялась. Но сказать что-то сверх того сложно. Отсутствие у современников интереса к первому заселению викингов понятно. Несмотря на утверждения Дудо, в Сен-Клер-сюр-Эптском договоре не было ничего особенного. Викинги (норманны, или люди Севера) появились на сцене в конце VIII века, когда начали совершать стремительные набеги на незащищенные побережья Западной Европы. Историки продолжают спорить, что побудило их искать счастья за морем, но ясно, что стимулов было несколько. В Скандинавии создавались новые королевства и при этом появлялись недовольные проигравшие — мелкие вожди и их люди. Развитие судоходства способствовало дальним плаваниям. Вдобавок ко всему во многих частях Европы, особенно на Британских островах, царила политическая нестабильность. Набеги, начавшиеся во второй половине VIII века (возможно, уже в 760-х или 770-х годах), происходили все чаще и в конечном итоге завершились завоеванием значительных территорий континентальной Европы и Британских островов³.

Неудивительно, что в таких обстоятельствах западно-европейские правители стали вербовать викингов в свои армии. Это одновременно устраняло потенциальную угрозу и служило хорошим способом защиты — одни разбойники должны были ловить других. Однако норманнов интересовали не только быстрые деньги, и вскоре им начали предлагать за продолжительную службу земли. Особенно популярна была тактика размещения групп викингов в прибрежных районах, где им приходилось защищать полученные владения от собственных соотечественников⁴. Таким образом не раз передавались из рук в руки различные части Фландрии, и эта традиция вполне могла повлиять на попытку Карла подсунуть Роллону другой регион.

Сам Роллон, возможно, был родом из Норвегии и поначалу состоял в Великой языческой армии, которая завоевала большую часть Англии в 860-х и 870-х годах*. В первых из этих набегов он, скорее всего, не участвовал, однако явно входил в состав войска викингов, когда в начале 880-х годов норманны перебрались из Англии в Северную Францию, и присутствовал при осаде Парижа викингами в 885 и 886 годах. Тогда будущая французская столица устояла, но отряды норманнов продолжили захватывать части Бретани и земли в низовьях Сены. Роллон был одним из тех вождей, что поселились на этой реке.

Без более подробных источников трудно установить, чем занимался Роллон в эти годы. У археологов иногда возникает соблазн связать свидетельства о первых скандинавских поселениях на территории, которой предстояло стать Нормандией, с байками Дудо о подвигах Роллона в 890-х годах и нарисовать подробную картину того, как укреплялась новая власть викингов. Но к красочному (и явно фантасти-

* Возможно, Роллон — это передача имени вождя викингов Хрольфа, или Рольфа. Рольф Пешеход получил прозвище за свою тяжесть: лошади не могли его вынести, и он ходил пешком. — *Прим. пер.*

ческому) повествованию Дудо надо относиться с осторожностью⁵. Вполне вероятно, что Роллон и его войска действовали — и, возможно, даже поселились — в низовьях Сены до их соглашения с Карлом, заключенного около 911 года. Затем в какой-то момент эти вторжения были оформлены договором с королем (возможно, в Сен-Клере). Источник самых ранних достоверных свидетельств — не Дудо, а хартии (то есть юридические документы, предоставляющие землю или права), изданные от имени короля Карла⁶. Первая из них, датированная 905 годом, указывает, что основные области территории, которой предстояло стать Нормандией, все еще находились во владении короля, поскольку Карл тогда отдал 11 сервов* в Питре (к югу от Руана) своему канцлеру, человеку по имени Эрнуст. Однако есть признаки того, что весь регион уже находился под натиском викингов. В другой хартии, датированной следующим годом, записано, что монахи Сен-Маркуфа на западе будущей Нормандии перенесли мощи своего святого покровителя Маркульфа в Корбени (к северу от Реймса) из-за нападений язычников (то есть викингов). Очевидно, норманны давали о себе знать, и вполне вероятно, что среди них находились Роллон и его соратники. Однако ситуация была далека от катастрофической, поскольку в этой хартии упоминается также возможность возвращения мощей Маркульфа.

Наиболее важным документом можно считать хартию от марта 918 года в пользу парижского монастыря Сен-Жермен-де-Пре, в которой упоминается договор Роллона с королем Карлом. Грамота предоставляет монастырю земли меньшей религиозной общины Лакруа-Сент-Уан, располагавшейся на реке Эр всего в 43 километрах к югу

* Сервы — вид зависимых крестьян в средневековой Франции. — *Прим. пер.*

от Руана. Причина заключалась в том, что аббатство Лакруа, как и Сен-Маркуф, серьезно пострадало от соседей-викингов (хартия драматически повествует о «жестокости язычников»). Поэтому его земли теперь передавались аббатству Сен-Жермен, которое находилось в Париже, вдали от опасности. Однако имеется важная оговорка. Король Карл передал парижскому монастырю не все земли Лакруа, а только те, что не входили в часть владений аббатства, которую передали северянам Сены, а именно Роллону и его сторонникам, для защиты королевства. Видимо, викинги уже прочно обосновались в низовьях Сены и королевский указ не действовал в пределах их владений.

Таким образом, к началу 918 года значительную часть той территории, что в будущем станет Нормандией, передали Роллону и его людям. Хотя Дудо изображает полную гармонию между королем и его главным вельможей Робертом, реальность почти наверняка была более сложной. Дудо писал в то время, когда потомки Роберта достигли королевского статуса при поддержке наследников Роллона, на которых они неоднократно опирались в прошедшие годы. Хронисту было удобно делать вид, будто эти семейства с самого начала выступали союзниками. В реальности же появление Роллона в то время нанесло ущерб герцогу Роберту. Более полувека Роберт и его семья правили в Нейстрийской марке — крупном регионе на северо-западе Франции. Земли для викингов были отрезаны как раз от нее, и трудно поверить, что герцог был этому рад — не говоря уже о том, что именно он убедил короля предоставить пришельцам владения (как хотел заставить нас поверить Дудо). Это подтверждает и хартия о Лакруа. Аббатства Лакруа и Сен-Жермен находились под управлением Роберта, и вся эта сделка имела целью снизить ущерб для герцога: в ней владения незащищенного аббатства передавались другому, более надежному.

В политическом плане договор Карла с Роллоном оказался успешным. Норманны не только эффективно сдерживали других викингов, но и стали верными союзниками короля в междоусобной политике Франции X века. Самая большая угроза для Карла исходила от герцога Роберта, старший брат которого в 890-х годах недолгое время был королем. Вот почему Карл поселил Роллона и его людей на землях Роберта, а викинги поддерживали монарха в последующие годы. Решающий момент наступил в 922 году, когда Роберт поднял восстание, требуя корону для себя. Хотя сам герцог погиб в битве при Суассоне в 923 году, его сторона одержала победу, и в конце концов Карл попал в плен. В результате французский престол унаследовал зять Роберта, герцог Рауль Бургундский. Именно в этот момент Карл призвал своих союзников-викингов. Роллон с радостью взялся за оружие во имя свергнутого монарха. Однако действия Карла обернулись против него. Роллон не сумел освободить пленника, а его вмешательство еще больше испортило отношения короля с французскими подданными. Договоры с викингами-язычниками не пользовались популярностью даже в лучшие времена: еще свежи были воспоминания об уроне, нанесенном Роллоном и его людьми.

Тем не менее, хотя сам Карл получил мало непосредственной выгоды, Роллон смог извлечь пользу из происходящего. Нашим основным источником здесь являются «Анналы» Флодоарда — свидетеля тех событий, жившего в соседнем Реймсе. Этот труд называет Роллона «предводителем норманнов» (*princeps Nordmannorum*), отсылая к более раннему договору, который тот заключил с Карлом. Как довольно необъективно утверждали противники короля, этот ранний договор Роллон нарушил, придя на помощь Карлу: ведь он поступил так вопреки желанию нового короля Рауля. Это явная отсылка к первоначальному поселению Роллона около 911 года, упомянутому как в хартии

918 года, так и в труде Дудо. Однако Роллона и его людей волновала не только верность. Ведь Флодоард также утверждает, что Карл пообещал Роллону «глоток земли», и этот оборот речи, вероятно, подразумевает расширение первоначального поселения. В любом случае, когда позже, в 924 году, Рауль заключил с Роллоном мир, ему пришлось отдать северянам расположенные западнее Мэн и Бессен⁷.

В последующие годы новое государство викингов на Сене расширялось. В 925 году Роллон потерпел поражение от сторонников Рауля, однако в 933 году его сын Вильгельм Длинный Меч смог добиться дальнейших уступок. В обмен на службу Рауль передал норманнскому герцогу Восточную Бретань (очевидно, Котантен и Авраншен). Медленно, но верно территория, удерживаемая северянами в низовьях Сены, обретала размеры будущего герцогства Нормандия. Язычники-северяне постепенно становились нормандцами-христианами. Однако для завершения процесса потребовалось еще полвека тяжелых трудов.

«Анналы» Флодоарда и хартии Карла, с одной стороны, подтверждают слова Дудо, а с другой — высвечивают недостатки его труда. Если верить Дудо, герцогство Нормандия возникло в полностью готовом виде, буквально из голов Роллона и Карла, — подобно Афине, возникшей из головы Зевса. Однако первоначальное поселение было намного меньше, чем сообщает Дудо, и своего полного размера герцогство достигло не ранее 930-х годов. В *«Истории Реймской Церкви»* Флодоард (наблюдатель-современник, у которого нет особых причин вводить читателя в заблуждение) сообщает, что первоначальная уступка касалась только Руана и *пагов* (паг — местный административный округ) на северном побережье и вокруг города (Талу, Ко, Румуа и части Вексена и Эврэнсена). Это хорошо согласуется с другими свидетельствами того, что расширение герцогства за пределы Руана и его окрестностей шло медленно⁸.

Такие источники могут пролить свет на вопросы, которыми Дудо пренебрегал, однако они мало что дают для понимания того, как именно происходило заселение этой территории. И здесь на помощь приходит топонимика — изучение географических названий. Люди склонны называть новые поселения и детали ландшафта на родном языке, и поэтому исследование скандинавских топонимов на карте — полезный инструмент оценки масштабов первоначального скандинавского присутствия. На территории, впоследствии ставшей Нормандией, можно обнаружить значительное количество топонимов скандинавского происхождения, что резко контрастирует с другими регионами Северной Франции. Эти топонимы сосредоточены вдоль побережья — как раз в тех районах между реками Сена и Брель, которые, по словам Флодоарда, составляли первоначальные земли Роллона. Большинство этих названий включают либо какое-то норманнское личное имя и французское окончание (например, Токвиль (*Toqueville*) означает «город Токи»), либо к французскому или скандинавскому имени добавляется скандинавское окончание (например, слово *-tot* («собственность») дает названия мест Роберто (*Robertot*) или Хаттейнто (*Hatteintot*). Такие смешанные формы подразумевают активное общение между говорящими на французском и норманнском языках. Названия, оканчивающиеся на *-tuit* или *-thuit* — от древнескандинавского слова *þveit* («поляна, расчищенное место») — указывают на то, что по крайней мере некоторые из поселенцев были (или стали) земледельцами и осваивали новые угодья. Некоторые топонимы могли быть даже англоскандинавскими, то есть придуманными викингами, которые ранее жили в Англии. Кроме того, наличие кельтских личных имен может свидетельствовать о заимствованиях из других частей Британии (возможно, с острова Мэн или островов Шотландии). Это лингвистическое влияние рас-

пространяется на нормандский диалект французского языка, в котором сохранилось множество древнескандинавских заимствований, особенно в морском деле.

Все это свидетельствует о значительном скандинавском языковом присутствии и двуязычии, причем французский вскоре стал доминирующим (при сохранении нескольких укоренившихся форм скандинавских названий и технических терминов)⁹. Ясно, что между говорившими на французском и древнескандинавском языках происходили тесные контакты. Однако, несмотря на относительно большое количество скандинавских топонимов (сравнимое с тем, что мы видим в некоторых частях Северной и Восточной Англии), заимствования в местном нормандском диалекте французского языка встречаются гораздо реже, чем в английском. Здесь следует иметь в виду, что древнеанглийский гораздо ближе к древнескандинавскому языку поселенцев, и это обстоятельство должно было способствовать языковому взаимодействию¹⁰. Старофранцузский и древнескандинавский языки, напротив, слишком сильно различались, и поэтому имевшийся контакт, скорее всего, ограничивался заимствованием технических терминов и названиями поселений.

Даже если не считать топонимы надежным показателем количества поселенцев, они опровергают представление, будто скандинавское влияние было поверхностным или мимолетным. Новые названия поселений редко появляются без значительного числа носителей языка. А характер и распространение этих названий указывают на то, что среди поселенцев были не только воины и аристократы, но и земледельцы и ремесленники. Тем не менее маловероятно, чтобы носители древнескандинавского языка составляли большинство — разве что в некрупных анклавах. И наряду с признаками перемен обращает на себя внимание очевидная административная преемственность. Франкская

система управления сохранилась в Нормандии в почти неизменном виде, а Роллон и его наследники играли во многом ту же роль, что графы и герцоги в соседних регионах. Есть признаки того, что несколько более заметным изменениям подверглись церковные структуры — чего и следовало ожидать при появлении пиратов-язычников. Однако и здесь присутствовали преемственность и стабильность. Особенно важную роль сыграл архиепископ Руана. Дудо отводит Франко центральную роль в первоначальном расселении. И хотя он явно перепутал имя священника, знаменательно, что территория, которая стала Нормандией, почти точно совпадает с церковной провинцией Руана. Современники прекрасно осознавали этот факт, и в середине 990-х годов хронист Рихер Реймский писал об архиепархии Руана как о районе расселения викингов¹¹.

К сожалению, о механизме этого расселения и культурной ассимиляции известно немного. Безусловно, важной частью процесса было обращение в христианскую веру. Дудо утверждает, что Роллон крестился в Сен-Клер-сюр-Эпте, а его крестным отцом стал сам Роберт, маркграф Нейстрийской марки. Текст этого повествования явно напоминает о более раннем крещении римского императора Константина Великого (умершего в 337 году). Тем не менее, хотя мы можем сомневаться в деталях рассказа Дудо, есть все основания полагать, что переход в христианскую веру был частью сделки. Крещение долгое время оставалось обязательным для поступления на службу к французскому королю, и Флодоард также сообщает, что Роллону и его людям даровали земли, «чтобы они возвращали [христианскую] веру и поддерживали мир»¹².

Однако само по себе крещение не гарантирует христианского поведения. Мы должны понимать, что полное принятие христианских норм произошло по крайней мере через одно или два поколения. Там, где местные епископы оста-

лись на своих местах, они сыграли важную роль в укреплении новой веры. Двумя ключевыми фигурами здесь были Ги Руанский (архиепископ Руана во времена расселения Роллона) и Херивей (или Херви) Реймский. Флодоард сообщает, что последний «усердно работал над смягчением и обращением норманнов, пока наконец те не начали принимать веру после сражения с графом Робертом [Нейстрийским] в Шартре»¹³. Это явная отсылка к обстоятельствам первоначального соглашения. Такие подробности Флодоард знал благодаря собранию из 23 авторитетных заявлений (лат. *capitula*) на тему обращения и веры, отобранных из писаний Отцов Церкви. Их подготовил Херивей в ответ на просьбу архиепископа Ги, который, очевидно, находился в авангарде этой деятельности. В совокупности они составляют своего рода миссионерский справочник. Одной из главных забот для Херивея были люди, которые крестились, но вернулись к языческим обычаям. Вероотступничество (отход от веры) было распространенной проблемой на миссионерском поприще¹⁴.

Тем не менее все указывает на то, что большинство из осевших на этих землях с Роллоном довольно быстро приняли христианскую веру. В Нормандии нет признаков явно языческих скандинавских захоронений того времени, хотя они были найдены в других частях Европы. Нет также каменных или металлических изделий, изображающих скандинавских божеств, которые обнаруживаются на значительных территориях Северной и Восточной Англии. Однако, когда дело касается завоевания сердец и умов, важную роль играет не только официальная церковь, но и социальное взаимодействие между пришлыми и местными франками/французами, исповедовавшими христианство. И здесь может помочь художественное повествование Дудо. Он утверждает, что в ходе одного из первых нападений Роллон похитил местную девушку по имени Поппа, которую

затем взял в жены. Позже она родила Вильгельма, потенциального наследника правителя. Этот рассказ больше похож на легенду: есть все основания сомневаться в его исторической достоверности, как и в более позднем браке Роллона с Гизелой. Тем не менее вполне можно допустить, что первая супруга норманна была француженкой, поскольку Вильгельм — вполне французское имя. И конечно, Роллон оказался не единственным, кто взял в жены местную. Возможно, какие-то норманны привезли с собой женщин и детей, однако из-за преобладания мужчин смешанные браки были неизбежны. Поскольку именно матери играют важную роль в овладении языком, это должно было послужить мощным двигателем интеграции: второе поколение норманнов в долине Сены оказалось в основном франкоязычным¹⁵. Возможно, сам Роллон был всего лишь морским разбойником-язычником, но его сын Вильгельм обладал всеми качествами французского аристократа: он был благочестивым христианином и, самое главное, говорил по-французски.

О степени интеграции детей Роллона во французское общество свидетельствуют их браки. Сын Вильгельм женился на Лиутгарде (или Лейарде), дочери Герберта II Вермандуа, самого могущественного вельможи Северной Франции в 920-х годах (и восточного соседа Вильгельма), а дочь Герлок (крещенная под французским именем Адела) вышла замуж за Гильома Патлатого, графа Пуату и будущего герцога Аквитании, который был ведущей фигурой на юго-западе королевства франков. Их чисто французское религиозное и культурное мировоззрение подтверждается поэтическим плачем (*Planctus*), сочиненным на смерть Вильгельма — очевидно, по распоряжению Аделы. Это произведение написано латинскими стихами, и к нормандскому герцогу в нем обращаются в тех же выражениях, что и к прочим представителям местной франкской аристократии¹⁶.

Это не означает, что люди Роллона полностью забыли о своем происхождении. Как показывает хроника Дудо и ее продолжения, написанные Гийомом Жюмьежским и другими авторами в конце XI и XII веков, те, кто стал нормандцами, еще столетия гордились своим языческим происхождением, даже если о нем рассказывалось французскими либо латинскими стихами и прозой. Не прервались и связи со Скандинавией, что показывают последующие волны заселения. Их подстегнул первый крупный кризис герцогской власти, вызванный смертью Вильгельма в 942 году. Лиутгарда не родила ему сыновей, а Ричарду, сыну от более раннего союза с бретонской дворянкой, было в то время не больше 10 лет.

В последующие годы появились признаки распада герцогства. Прибывали новые отряды викингов, привлекаемые возможностью грабить и заселять местные земли. На территории Вильгельма утвердились новые люди — и прежде всего военачальник Харальд (Хагрольд), занявший Байё и его окрестности. Возникшие разногласия носили отчасти религиозный характер. Одни норманны отказались от христианской веры (как и опасался Херивей) и призвали союзников из-за границы, в то время как другие оставались сторонниками герцогского двора и интеграции во франкское общество.

Первые поселения викингов в Бретани и на Луаре исчезли через поколение или два; казалось, что и на Сене произойдет то же самое. Такая политическая нестабильность привлекла внимание соседних французских правителей. И король Людовик IV, сын Карла Простоватого, и герцог Гуго Великий, сын Роберта Нейстрийского, стремились воспользоваться слабостью Ричарда. Роберт захватил значительную часть западной территории, полученной Роллоном и Вильгельмом, и прервал вполне успешную осаду Байё только по приказу короля. Людовик, со своей стороны,